

БИБЛИОТЕЧКА «ПЕРВОГО СЕНТЯБРЯ»
Серия «Воспитание. Образование. Педагогика»
Выпуск 24

Александр Суворов

ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ,
ДОСТОИНСТВО,
ПЕДАГОГИКА ОПТИМИЗМА

Москва
Чистые пруды
2009

УДК 371
ББК 74.200
С89

Общая редакция серии «Воспитание. Образование. Педагогика»: *М.Н. Сартан*

Суворов А.

С89 Человечность, достоинство, педагогика оптимизма / Александр Суворов. – М. : Чистые пруды, 2009. – 32 с. – (Библиотечка «Первого сентября», серия «Воспитание. Образование. Педагогика». Вып. 24).

ISBN 978-5-9667-0641-8

В этом выпуске мы представляем философское эссе Александра Васильевича Суворова о смысле жизни и смысле педагогики. Автор – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психолого-педагогических проблем непрерывного образования детей и молодежи с отклонениями в развитии и инвалидностью Института интегративного образования Московского городского психолого-педагогического университета.

**УДК 371
ББК 74.200**

Учебное издание

СУВОРОВ Александр Васильевич

ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ, ДОСТОИНСТВО, ПЕДАГОГИКА ОПТИМИЗМА

Редактор *Л.И. Кожурина*

Корректоры *Е.М. Литвиненко, Т.В. Козлова*

Компьютерная верстка *Е.В. Князева*

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–19078 от 08.12.2004 г.

Подписано в печать 25.08.2009.

Формат 60х90/16. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Печ. л. 2,0.

Тираж экз. Заказ №

ООО «Чистые пруды», ул. Киевская, д. 24, Москва, 121165

Тел. (495) 249-28-77, <http://www.1september.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов в филиале ГУП МО «КТ» «Раменская типография»

Сафоновский пр., д. 1, г. Раменское, МО, 140100

Тел. (495) 377-07-83. E-mail: ramentip@mail.ru

ISBN 978-5-9667-0641-8

© ООО «Чистые пруды», 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Напутствие читателям	4
ВВЕДЕНИЕ.	5
ГЛАВА 1. О РАЗВИТИИ СПОСОБНОСТИ К ЧЕЛОВЕЧНОСТИ	6
Происхождение вопроса	6
В этико-психологическом контексте	7
Что значит «по-человечески»	8
Этическое измерение	9
Базовая способность	10
ГЛАВА 2. СЛАГАЕМЫЕ ДОСТОЙНОЙ ЖИЗНИ. ЕСЛИ ХОЧЕШЬ БЫТЬ...	11
ГЛАВА 3. ПОЛОСА ПРЕПЯТСТВИЙ, ИЛИ ПОЧЕМУ НЕЛЬЗЯ НАУЧИТЬ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ.	17
В логике личностного роста	17
Жить в обществе	18
Социальная болезнь	19
Смещение акцентов	20
Труд общения	20
Мое кредо.	21
ГЛАВА 4. КОНЦЕПЦИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОПТИМИЗМА	22
Развитие – это деятельность	22
Организация деятельности	23
Норма по большому счету	24
Чтобы вырваться из тупика бытового примитивизма	26
О порядке и стихиях, или Уточнение к периодизации	27
И снова о человечности	28
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	29

НАПУТСТВИЕ ЧИТАТЕЛЯМ

Разговоры о падении нравов ведутся с начала времен, и это означает, что человеку всегда были свойственны высокие стремления и представления, ответственность перед будущим поколением и тревога о сохранении культуры. День сегодняшний не исключение.

Но современная ситуация принципиально новая. Баланс между традицией и новацией угрожающе сместился в сторону отрицания какого бы то ни было культурного наследия. А вместе с этим упразднен и авторитет ценностей, прежде казавшихся незыблемыми.

И даже педагогам стало неудобно говорить о высоком, красивом, вечном. Говорить открыто, сочувственно, подробно. Откликаться. Окликать, называть проявления жизни и культуры по имени. Не обсуждаются даже такие темы, которые ни одного подростка не обходят стороной: зачем я живу, куда иду? Что такое жизнь и что такое смерть?

Говорить об этом – ответственно. А молчать – малодушно. Остается иронизировать или уходить от разговора, пожимая плечами: «Кто знает?»

Быть может, набраться духа для разговора или хотя бы для собственного размышления на «вечные темы» вам поможет этот текст. Александр Суворов написал его, не видя и не слыша красок и звуков внешнего мира, опираясь исключительно на опыт жизни внутренней. Интенсивной, напряженной, очень богатой. Каждый читатель найдет в ней места, настолько созвучные его личному насущному бытию, что благодарно удивится. Увидит в его размышлениях такие моменты, которые поправят его мысль и укрепят силы.

ВВЕДЕНИЕ

Тема опасная: стоит заговорить о человечности, невольно лезешь на пророческие ходули. Смысл жизни в том-то, человечность – то-то. Извольте: вот вам мой ответ на вопрос, вот вам мое решение проблемы.

Но так ли уж я убежден в правильности этого ответа, в истинности решения, что, дав этот ответ и предложив это решение, я с легким сердцем займусь поиском ответа на другие вопросы, решением других проблем? Перестану разве думать о том, что же такое эта человечность и почему у человечества она никак не вытанцовывается?

Нет ведь. Над этим до конца жизни голову ломать. И человечеству тоже. Так какой толк в окончательных ответах на вечные вопросы, в попытке решения не то что не разрешимой, а вечно и всякий раз по-новому, в каждой уникальной ситуации неповторимо конкретно решаемой проблемы?

Не сам ли я настаивал, что одно и то же в одной ситуации – человечесно, а в другой – нет? И даже в книжке для подростков «Как причесывать Ежика?» на примерах из собственного опыта показывал, что «хулиганство» (с точки зрения общепринятых норм), может быть, и бывает человеческим. Например, мне, слепоглохому, в вокзальной сутолоке лучше свистеть в самый громкий спортивный свисток, чем позволить сбить себя с ног и искалечить. Ведь в «вокзальной» ситуации громкий свист – самый человеческий вариант поведения для слепоглохого, не желающего ни прозябать в четырех стенах, ни быть растоптанным в толпе. То есть человек ли тот или иной поступок, зависит от конкретных условий. С другой стороны, каковы бы ни были эти конкретные условия, разве человечность поступка не оценивается в соответствии с некими критериями? Есть же критерии человечности и бесчеловечности? Да. Но как только мы эти критерии сформулируем и начнем на них настаивать, их пропагандировать, мы тем самым немедленно, даже не заметив этого, становимся пророками, моралистами, проповедниками – но только не теоретиками, не исследователями. И волей-неволей начинаем приводить разнообразие жизни в соответствие с заданными представлениями о ней, вместо того чтобы, оставаясь исследователями, заботиться об адекватности своих теоретических представлений тому, что есть на самом деле. И именно тому, что на самом деле, в данный момент, в данной ситуации, в данных условиях – человечесно.

То есть наши представления должны быть адекватны живой, изменчивой истине. И может быть, честнее вступить в диалог, чем пытаться

подгонять решение задачи под готовый ответ, каким бы правильным он в теории ни выглядел. Чем вдруг, всем курам на смех, встать в позу пророка и проповедника, лучше поразмышлять при читателе, тем самым пригласив читателя поразмышлять вместе с собой.

Глава 1.

О РАЗВИТИИ СПОСОБНОСТИ К ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

(По следам диалогов с подростками и с самим собой)

Происхождение вопроса

В течение многих лет на сборах Детского ордена милосердия «Школа взаимной человечности» эта тема поднималась не раз. И всякий раз оказывалось, что все основные этико-психологические понятия – суть частичные ответы на этот вопрос. В совокупности они укладывались в довольно стройную концепцию человечности. Но может быть, ничего не «оказывалось», а всего лишь «показывалось»? Просто я лез к ребятам с готовыми формулировками и, когда разговаривал с ними, имел сомнительное удовольствие наблюдать, во что эти готовые формулировки превращались в их головенках.

А вот на ежевечерних разборах в детской экологической экспедиции «Тропа» у Юрия Михайловича Устинова была другая традиция: в конце каждого дня, на подведении итогов, мне как ученому дети задавали три вопроса. Вопросы были часто весьма сложными. И на каждый я честно давал не один, а несколько известных мне ответов. Общий же итог сплошь да рядом оказывался тот, что окончательного ответа у науки нет, а в ненаучные ответы как-то плохо верится.

Например, произошел ли человек от обезьяны? Споры на сей счет продолжаются. Биолог Александр Любищев сказал, что – да. В пользу теории Чарльза Дарвина говорит Монблан фактов, но и против – Гималаи фактов. В книжке «История эзотерических учений от Адама до наших дней» я вообще обнаружил мимоходом, как само собой разумеющееся, брошенное утверждение, что обезьяна произошла от человека, вовсе не наоборот.

Который же из вариантов ответа на вопрос о происхождении человека правильный? Не сказать ли, какая, мол, разница? Откуда бы ни взялись существа, именующие себя людьми, для каждого из нас всего важнее, по-моему, быть человеком в отношениях с самим собой и со всем миром. То есть быть человечным. И тогда самым точным, может быть, придется признать ответ: каждый человек произошел от самого себя. От своих по-

стоянных прижизненных и пожизненных усилий, можно сказать и грубее – потуг быть человеком.

То есть я лично как человек все еще «происхожу» от собственного неукротимого желания быть, а не называться человеком. Я реализуюсь в ходе постоянных попыток это желание удовлетворить, и поскольку этот процесс очевидно пожизненный, я как человек буду «происходить», пока жив.

В этико-психологическом контексте

Если говорить о жизни не только в общебиологическом смысле, то понятие жизни противостоит понятию прозябания. Жизнь – это по-человечески осмысленное существование; это существование разумного существа, сумевшего состояться именно в качестве разумного. Прозябание – это существование бессмысленное, ничем не отличимое принципиально от существования любого животного или даже растения. Жить – значит состояться в качестве представителя рода человеческого как разумной формы жизни; прозябать – значит в этом качестве не состояться.

Мне тут спорить не с чем. Таков мой личный уровень притязаний к качеству моего личного существования. В самой ранней юности я категорически отказался прозябать. То есть отказался быть животным, существующим просто потому, что появилось на свет и существует. Мое собственное существование никогда не было для меня самодостаточным. Жить надо, кто спорит, а вот прозябать – не надо. Не надо быть живым трупом. Не надо быть телом без души. Это явно недостойно ни звания, ни названия человека, ни звания, ни названия разумного существа. Прозябать – это значит существовать, даже не попытавшись использовать возможность (шанс) быть человеком.

Это мой личный выбор с детства: либо я живу человеком – человечно, разумно, – либо меня не должно быть и физически, телесно, а не только личностно (духовно и душевно). Прозябание – это промежуточное состояние между нормальной (то есть человеческой) жизнью и физической смертью, вернее, физическим небытием. Жить – так человеком или никак. Так я решил для себя.

Пока есть возможность общаться с детьми и ездить к ним, пока есть возможность заниматься литературным и теоретическим творчеством, есть смысл, я живу и считаю, что жить надо. Прибавляется жизнь к годам, а не годы к жизни.

Знаю, что столь четко и жестко различать жизнь и прозябание кому-то просто невыгодно. Тем, кому проще прозябать, и потому они прозяба-

ние громко именуют жизнью. И они обвиняют меня в бесчеловечности. Однако не мною замечено, а Виктором Франклом, что даже в условиях гитлеровского лагеря смерти в Аушвице (Освенциме) всегда существовал этот выбор – быть человеком или животным. А условия физической слепоглухоты с условиями лагеря смерти вполне сравнимы, уж поверьте мне. Я физически слеп и глух, так что знаю, о чем говорю. И про лагеря смерти начитан достаточно...

Поэтому если вас мое отвращение к прозябанию коробит, а то и шокирует – дело хозяйское. Но уж таков мой выбор. Каждый сам решает.

Что значит «по-человечески»

Если понимать жизнь как по-человечески (человечно) осмысленное существование, то нельзя не согласиться с Виктором Франклом, что в человеческой жизни смысл присутствует всегда, надо только его найти – осознать. Жизни без смысла не бывает, быть не может по определению – жизни именно как осмысленного существования. И на вопрос, в чем смысл жизни человека, может быть только один наиболее общий ответ: смысл жизни человека в том, чтобы именно быть, состояться человеком.

Для меня быть и состояться человеком – значит, во-первых, иметь возможность быть полезным; во-вторых, иметь возможность заниматься литературным и теоретическим творчеством, полностью эту возможность используя; в-третьих, отвечать за тех, кто от меня зависит, и за себя перед ними. И тут уж имеет значение только то, что я не смогу признать себя человеком, если не буду относиться к зависящим от меня людям по-человечески, то есть ответственно. Я постоянно сдаю самому себе экзамен на человечность, на право называться человеком; моя человечность для меня самого вовсе не нечто само собой разумеющееся, а подлежащее постоянному подтверждению.

Человечность – не раз и навсегда заслуженное звание, а свойство либо проявляемое, либо нет.

Вот так я лично для себя расшифровываю общую формулу, что смысл жизни человека только в том, чтобы быть и состояться человеком. А как для себя расшифровываете эту формулу вы? Но как ни расшифровывать, на человечность не приходится претендовать, если никого не любишь и ни за что, ни за кого, ни перед кем не в ответе. Особенно за себя и перед собой. Поэтому «рыночные» отношения, отношения бесконечного тотального торга, кто кому чем обязан и сколько должен, я ни в коем случае не могу признать человеческой – человеческой – формой отношений. Это обесчеловечивающая, бесчеловечная форма отношений, при которой за-

просто можно стать из человека не животным даже, а куда худшим существом – нелюдем. Вступая в тотальный торг, мы перестаем быть людьми или вообще никогда ими не становимся. Любовь – как ни крути – сущность человечности, а тотальный торг ни с любовью, ни, стало быть, с человечностью несовместим. И это, разумеется, вовсе не мое открытие. В поисках первооткрывателя этой истины можно забрести далеко-далеко в глубь веков, так что оставим эти разыскания. Не важно, кто первый это открыл, а важно, что это так!

Этическое измерение

Каждый из нас человек настолько и постольку, насколько и поскольку он разумное существо, личность. Что ты животное – доказывать не нужно. А вот что ты Человек, это, будь добр, доказывай. Своим поведением, своим отношением к другим людям. Учитывая, что тело – человеческое, но человек – не тело. Да и тело человеческое лишь постольку, поскольку используется в качестве универсального инструмента в человеческой деятельности.

Людьми мы то ли становимся, то ли нет. Зависит от того как раз, чуждо или нет нам что-то «человеческое» – следовательно, не биологическое, следовательно... Какое?

В философии это по-разному называется. Родовое, а не видовое. Разумное, а не бессмысленное и не безумное. В контексте же нашего разговора, пожалуй, – культурное.

Какой именно культурой ты овладел? Умеешь ли ты любить? То есть, умеешь ли во имя самооценности «другого» становиться его, «другого», органом, средством? Тут сразу вспомнишь и Эвальда Ильенкова, что человека человеком делает освоенная им культура. И Феликса Михайлова вспомнишь: все мы друг для друга органы взаимоочеловечивания или взаимообесчеловечивания, что мы именно то, как обращаемся друг с другом и друг к другу. Словом, мы люди постольку, поскольку обращаемся друг с другом и друг к другу по-человечески, поскольку, иными словами, все не чуждое нам, освоенное нами человеческое в нашем взаимодействии – работает. И как только человеческое из наших отношений исчезает, мы в тот же миг перестаем быть людьми.

Так что поистине человек – понятие этическое. Быть человеком надо суметь. И тут у меня не без срывов. С одними получается быть человеком, с другими – нет. С одними и теми же – вчера, а то и минуту назад получалось, а сейчас – не выходит. Минуту назад сам резонировал, любил, а сейчас вдруг затеял торг, чтобы тебе резонировали, а ты-де не обязан,

почему-де ты один должен резонировать? Почему ты должен любить безответно? И тут ты делаешь окружающих жертвами своих амбиций. А потом однажды спохватываешься, что не удовлетворен жизнью. Еще бы. Доторговался.

Базовая способность

Этическая сущность человека – человечность. Именно человечностью, а не, например, двуногостью или отсутствием перьев человек отличается от всех прочих существ. Однако тезис, что сущность человека – человечность, не является тавтологией вроде того, что, скажем, сущность тигра – тигриность, сущность змеи – змеиность, сущность Бога – божественность и тому подобное. Человеческое человеку бывает не чуждо, а бывает чуждо. С тигром или змеей такой казус трудно вообразить – чтобы тигру вдруг стало чуждо тигриное, а змее – змеиное? Нет. С существом же, которое в биологической классификации видов определяется как *Homo Sapiens*, казус этот случается сплошь да рядом. Сколько их, так и оставшихся от рождения до смерти девственно чуждыми всему человеческому! Сколько других, сознательно отвергших все человеческое ради личной или групповой «самоценности»! Нет, человек – уникальное существо, которое может либо никогда не стать, либо отказаться быть самим собой. При том что ни один медведь не смог бы отказаться быть медведем.

Но только человечность делает человека человеком, дает ему возможность быть самим собой. То, что не позволяет ему от себя отказаться, стать нелюдем.

Поскольку человеком можно быть, а можно не быть, следовательно, это не врожденная, а благоприобретаемая, формирующаяся и реализующаяся способность. Такая способность, которой можно овладеть. Быть человеком можно научиться. И можно научить. Отсюда вовсе не следует, что мы умеем учить; здесь только делается вывод, что быть человеком можно научить в принципе, независимо от того, умеем мы этому учить или нет. Но если можно научить в принципе – значит, надо научиться учить.

Далее. Если человечность – это способность быть человеком, прижизненно формируемая и реализуемая в определенной деятельности, то эта фундаментальная способность, очевидно, сама в свою очередь должна обеспечиваться другими способностями – к чему-то не столь фундаментальному, но такому, без чего способности к человечности, способности быть человеком нельзя себе и представить. Чтобы быть че-

ловечным, надо быть еще таким-то и таким-то. Каким же? Набор каких именно, к чему именно способностей обеспечивает возникновение способности к человечности?

Глава 2. СЛАГАЕМЫЕ ДОСТОЙНОЙ ЖИЗНИ. ЕСЛИ ХОЧЕШЬ БЫТЬ...

Будучи последователем Эвальда Васильевича Ильенкова, я в своих работах постоянно пропагандирую следующий набор универсальных способностей, обеспечивающих способность быть человеком: мышление, воображение, нравственность и физическая культура. Однако содержание понятия «человечность», осознал я со временем, раскрывается через ряд понятий, характеризующих нашу жизнь, таких как счастье, «акме» (вершина), духовность и интуиция.

Быть счастливым. Если понимать счастье как отсутствие проблем, то самым счастливым придется признать покойника или любой булыжник при дороге. Жизни (и даже прозябания) без проблем не бывает. Следовательно, счастье не в беспроблемности. Может быть, в возможности решать проблемы – в одиночку ли, с посторонней ли помощью? Существенный изъян такого определения – его этическая нейтральность. Мало ли какие «проблемы» приходится решать в одиночку или с чьей-то помощью! В этом смысле «счастлив» и преступник, совершающий свои преступления в одиночку или в компании сообщников.

Счастье – взаимопомощь? Опять же смотря в чем взаимопомощь, в каком деле, при решении каких проблем.

Счастье – это человеческая взаимопомощь. Или иными словами – взаимопомощь при человеческом решении каких бы то ни было проблем. Вне человеческого контекста счастья быть не может.

Поскольку человек понятие этическое, ни один «показатель», характеризующий человека, не может быть этически нейтральным. Тем более такой важнейший, как счастье. Но, как видно из тезиса, дать этически безупречное определение счастья очень непросто. Единственное этически безупречное определение счастья, которое я могу дать без всяких колебаний и сомнений, связано с противопоставлением жизни прозябанию. Тогда счастье – это жить, а не прозябать. Иными словами, счастье – это быть человеком, состояться человеком. Поскольку мне удастся быть человеком и именно по-человечески жить, а не прозябать, – я счастлив.

Поскольку не удастся – я несчастен. Более тесное определение счастьем дать не получается. Кто знает, возможно ли.

Выходит, быть счастливым и быть человеком – это одно и то же. Но обстоятельства могут складываться настолько бесчеловечно, что быть человеком, кажется, уже невозможно. Правда, дна здесь никто еще не измерил (возвращаюсь к Виктору Франклу).

Однако со словом «счастье» мы связываем еще и определенное чувство. Чувствовать себя счастливым – блаженство, восторг, радость, довольство, особо глубокое удовлетворение – такой примерно ряд. Получается, чтобы ощущать себя счастливым, важно быть уверенным, что быть человеком – получается. Ну а для недовольства окружающим миром, обстоятельствами поводы и причины всегда найдутся.

Быть достойным. Об «акме» как вершине – человечности, человеческого достоинства – как не задуматься? Но тут вне этического контекста ничего не понять. Например, придя к власти, Гитлер возглавил одно из самых преступных в истории человечества государств. Вершина ли? Скорее, наоборот – глубочайшая бездна нравственного падения. Вообще-то достоинство – это качество. Человеческое достоинство – человеческое качество.

Понятию достоинства противопоставляется понятие унижения. Значит, достойно быть человеком.

Недостойно, унижительно – не быть им. А «держаться с достоинством» – это что? Маска. Но мало ли какую маску можно на себя напялить. Чтобы достичь вершины человеческого достоинства – наиболее полного проявления своего человеческого качества, – необходимо постоянно, с самого детства уже быть на этой вершине. Парадоксально звучит: чтобы достичь вершины, надо на ней уже быть. Всегда быть.

Дело в том, что достижение «акме» возможно только при условии полной мобилизации всех личностных сил. Или, что то же самое, при условии полной самореализации. Полностью же самореализоваться надо каждый день. Сделать все, вложиться целиком. Только при этом условии можно достичь вершин жизненного пути – выкладываясь целиком, по возможности ежедневно, во всех своих человеческих проявлениях. А если откладывать на потом полную человеческую самореализацию – дескать, успеется еще, – велик риск хватиться с непоправимым опозданием, что так себя и не реализовал. Может оказаться и так: да и было ли что реализовать? Может, ведь реализуемые возможности создаются в процессе их реализации. Раз не реализуешь наличные возможности – значит, не имеешь их. Коварно. Но так и есть.

Быть чутким. Понятие духовности крайне сложно, многопланово. Указание, что в основе его лежит понятие «дух», мало помогает его раскрытию. Пытаясь ответить на вопрос о духовности как психологической способности личности, я в конце концов пришел к тому, что это нравственная и познавательная чуткость. Это способность чувствовать изнутри других людей и весь окружающий мир. Духовность в качестве нравственной чуткости – это способность со-чувствовать, со-страдать, со-радоваться, особенно же – со-веровать, а в качестве чуткости познавательной – это готовность признать существование непонятого. Духовность как познавательная чуткость – это то, что я назвал бы мужеством незнания. Не бойтесь признаться, что вы чего-то не знаете, не понимаете. Не спешите непонятое, неизвестное объявлять несуществующим. Не будьте вульгарными рационалистами. Будьте мужественными настолько, чтобы оставить в мире место для иррационального. А признав иррациональное, не отрекайтесь и от рационального. Соблюдайте баланс.

Я долго шел к такому пониманию духовности. Поначалу, как оно и общепринято, все свалил в кучу – интеллектуальную, эстетическую и этическую культуры. Нравственность, воображение и мышление. Добро, красоту и истину. Все это вместе назвал духовным здоровьем личности или духовной культурой, да на том и успокоился лет на двадцать.

Но в «Розе Мира» у Даниила Андреева обнаружил великолепное, снайперски точное и потому неотразимо убедительное различие интеллектуального и духовного. Не могу удержаться от пространных выписок. Вот – полностью – соответствующее рассуждение Даниила Андреева: «Умонастроение определенного типа, весьма ныне распространенного, не отличает духовного от интеллектуального. Гуманитарные науки, искусство, общественность, этика, религия, науки физико-математического и биологического циклов, даже некоторые аспекты техники – все сваливается в одну кучу... рассматривается как явление одной и той же области, “духовной культуры”. Эту аберрацию можно было бы назвать дикарской, если бы в ней не были повинны цивилизованные люди весьма интеллигентного облика».

Смысл и цель подмены – в стремлении вывести человеческую психику из области высших ценностей в область ценностей утилитарных, «дабы общество, мало-помалу выхолащиваясь само и перерождаясь, не замечало образующегося вакуума, не замечало, как у него отнимают ценнейшие из ценностей и взамен подставляют другие, подчиненные». И далее: «Материальный достаток есть сам по себе безусловная ценность, потому что это та самая броня внешнего благополучия, которая дает воз-

можность спокойно созреть и плодоносить семенам души. Но провозглашать материальный достаток... ценностью основной и наивысшей... это есть или трагическая ошибка, или полусознанный обман».

В конце концов, духовность не в том, чтобы принимать или отвергать мистику и религию. Тревога по поводу бездуховности человеческого общества – это тревога по поводу неспособности личности понимать что-либо, кроме «любимого вздора», так я назвал однажды привязанность человека к «личному мнению». А по отношению ко всему остальному – слепоглухота. Мы бездуховны прежде всего потому, что закрыты. Мы слышим оглушительный шум исключительно нашего собственного Я и, как правило, никого больше. Тем более не хотим слышать весь остальной мир, в котором человечество из-за этой самой закрытости подавляющего большинства его представителей безумствует, а не живет.

Если так, то, во-первых, мы должны научиться слушать друг друга. То есть должны быть нравственно чуткими. Должны быть открытыми навстречу друг другу. То есть понимать, что любимый вздор – это именно любимый вздор, а не вся правда. Можно переформулировать и так: признать приоритет общечеловеческих ценностей над иными.

Чуткость означает и признание того, что по отношению ко всему остальному миру – природе, космосу, Вселенной – мы еще – как разумные существа – едва ли не в детском саду, а то и в яслях. Что все накопленные до сих пор знания человечества ничтожны по сравнению с беспредельностью неведомого. Иначе распознавание покинет нас.

Быть озаренным. Интуиция – это мгновенное постижение истины в отличие от ее постепенного познавания (разглядывания, ощупывания, обнюхивания; экспериментального исследования; теоретического осмысления). Интуиция – это то, что у гештальтистов описано как «инсайт», озарение.

Это механизм нравственной и познавательной чуткости, реализующейся именно в форме постижения других людей, самих себя, всего окружающего, «видимого» и «невидимого» миров. Интуиция, по Ильенкову, – это чувство «целосообразности и тем самым – целесообразности мира и нас в мире».

Интересно, что Спиноза различал три рода, или ступени, познания: воображение, разум, мгновенное постижение.

Воображением он называл, по сути, то, что мы привыкли именовать восприятием. И как показывает Ильенков в работе «Об эстетической природе фантазии», основания для отождествления восприятия

с воображением есть. По Ильенкову, воображение – это способность именно строить образы. Слово «образ» и лежит в корне слова «воображение». И прежде всего эта способность проявляется в деятельности восприятия, которая оказывается фундаментальной функцией воображения. Это совершенно очевидно из даваемой Ильенковым дефиниции: «Форма психической деятельности, обеспечивающей “превращение”, воплощение “во образ” чисто физического факта, и есть воображение. Деятельность воображения как раз и соотносит зрительные впечатления с реальными формами вещей, с теми самыми реальными формами, с коими человек имеет дело прежде всего в реальной предметной жизнедеятельности, там, где он сам выступает не как “созерцающее” существо, а как реальное материальное тело среди других столь же реальных тел».

Каждый из нас «школу» такого соотношения прошел в раннем детстве, и для взрослого человека акт воображения является таким же автоматическим и произвольным, как, скажем, ходьба на двух ногах.

Это из книги Э.В. Ильенкова «Об Идолах и Идеалах». Там предпоследняя глава в несколько дополненном виде представляет собой ту самую знаменитую статью «Об эстетической природе фантазии». Но на восприятие как фундаментальную форму воображения указывает уже заголовок главы «Что на свете всего труднее?» И ответ в эпиграфе из Гете: «Видеть своими глазами то, что лежит перед ними».

Да, самое трудное дело на свете – видеть именно то, что есть на самом деле, а не свой собственный любимый вздор! И, по Ильенкову, интуиция – высшая, наиболее развитая способность к такому видению (чувствованию, постижению). Причем формируемая и развиваемая, как и воображение в целом, – искусством, эстетической культурой.

По Спинозе, разум – вторая ступень познания. Теоретические выкладки и эксперимент – способы постепенного нащупывания того, что есть на самом деле. Рациональное осмысление опытных данных. Выдвигается гипотеза, проверяется экспериментом... Возня слепоглохого крота. Возня, способностью к которой так кичатся «слепоглохие математики» (образ все из той же книги Э.В.Ильенкова «Об Идолах и Идеалах»). Сплошь да рядом невосприимчивые к какой бы то ни было эстетической культуре и потому «толстокожие» – инвалидные по части именно какой бы то ни было чуткости. Сциентисты, обожеествившие свой Разум.

А вот высший род, или высшую ступень познания – интуицию – Спиноза так определяет: «непосредственное постижение Бога». То, что недо-

ступно ни восприятию, ни разуму. Мы просто чувствуем истину – и все тут. Да так, что ни в какой возне с гипотезами и их проверкой нужды не возникает.

Ильенков говорит об эстетической природе интуиции. О том, что интуиция есть не что иное, как чувство «целосообразности» – чувство целого, чувство гармонии, чувство красоты. Для рационалиста понятие красоты чужеродное. Ни в какое прокрустово ложе «логических цепочек» оно не лезет. Принципиальная и непостижимая ненаучность. А между тем довод красоты – решающий довод и в науке. В той же математике. В качестве примера Ильенков подробно пишет о том, почему принципиально недоказуема изопериметрическая теорема. Теорема эта утверждает, что периметр круга – наименьший из всех фигур той же площади. Приводится таблица из десяти фигур, убедительно об этом свидетельствующая. И мы почему-то уверены, что, сколько бы ни продолжали таблицу, периметр круга так и останется наименьшим. Ни элементарная, ни формальная логика этой уверенности обосновать, подтвердить не может. Как не может она подтвердить и точно такой же уверенности для шара. Что поверхность шара из всех тел того же объема – наименьшая. Это так, никаких сомнений, но почему это так?

Еще Платон в ответ на это «почему?» только и смог выдвинуть единственный довод, не от науки, а от эстетики. Видите ли, круг – совершеннейшая фигура. А шар – совершеннейшее тело. Наикрасивейшее. Божественно красивое. И все в общем-то.

Аргумент интуиции – это аргумент от эстетики. Источник научной интуиции – интуиция эстетическая. А тайна эстетической интуиции – чувство красоты, чувство целого, «целосообразность». Это важно в любой сфере человеческой жизни – заметить малозаметное и мгновенно «схватить» всю целостность. «Это, пожалуй, не надо доказывать. Доказывать приходится другое: что так называемая “интуиция” органически, неразрывно связана с чувством красоты, которое только и развивается в людях большим и настоящим искусством», – писал Ильенков.

И далее: «Действие в поле свободного выбора всегда предполагает в той или иной степени способность продуктивного воображения. В такой функции оно чаще всего и называется интуицией, которая позволяет сразу, без испытывания, отбросить массу путей решения и предпочесть более или менее ограниченный круг поиска. Чем интуиция более развита и культурна, тем более определенным с самого начала становится поиск».

А то, что «целесообразно», одновременно и целесообразно. Чувство целого – это и чувство цели, и чувство красоты, то есть того совершенства, к достижению которого стремится в своем развитии, становлении и человеческая целостность.

Итак, интуиция – это чувство всеобщности, чувство универсальности, чувство чистой, собственной формы и сущности предмета нашего внимания, чувство именно того, каков этот предмет на самом деле – такой, каков он есть или каким мог бы быть, если бы ничто не мешало, не загоразивало, не искажало его сущность и отражающую эту сущность его собственную, чистую, а потому красивую форму.

Интуиция – это чувство истины. Это человеческое – человеческое – отношение к себе, к окружающим людям и к миру, Вселенной в целом.

Относиться по-человечески – значит относиться к тому, что есть, так, как оно есть, как оно должно быть, если бы не искажающие, коверкающие внешние влияния. Относиться по-человечески – значит выявлять внутреннюю целесообразность, собственный закон существования и развития всего в мире.

Есть дух вещей, дух мира, дух каждого из нас, и чуткостью к нему характеризуется наша человечность.

Глава 3.

ПОЛОСА ПРЕПЯТСТВИЙ, ИЛИ ПОЧЕМУ НЕЛЬЗЯ НАУЧИТЬ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

В логике личностного роста

Можно ли научить человечности? И вот уже говорят «нет» и толкуют о врожденном альтруизме. Или – противоположный миф – говорят «да» и разрабатывают технологии альтруизма, как будто это производство булавок, дайте только методику.

Мифов в теории и практике воспитания хоть отбавляй. То модно было критиковать школу за то, что она дает знания, умения и навыки, а Истине, Добру и Красоте не учит. То решили, что шахматы учат мыслить, хотя играя в шахматы не то что культурой человечества – культурой мышления не овладеешь. И чтобы быть хорошим математиком, мало уметь считать.

Все дело в таком свойстве личности, как способность к творчеству. А она формируется и развивается вместе с личностью человека. Имен-

но в логике личностного роста человек либо позволяет себе действовать бесчеловечно, либо старается не позволять. Старается – и потому учится, и этому никто его за школьной партой не научит. Феликс Михайлов сформулировал: культура не усваивается и не присваивается, а воссоздается каждым из нас. В этом смысле каждый из нас – соавтор человечества. И именно этим объясняется уникальность, неповторимость личности, то, что она является человеческой индивидуальностью. Именно тем эта уникальность объясняется, что каждый из нас воссоздает свой, уникальный, вариант общечеловеческой культуры. Воссоздавая этот вариант, каждый из нас и учится тому, что ни к каким знаниям, умениям и навыкам нельзя свести. Этому никакая школа не научит, но это и не то, «с чем рождаются».

Учиться быть человеком каждому приходится самому.

Жить в обществе

Человечество до тех пор не имеет права именоваться разумной формой жизни, пока не выработает действительно разумную форму социальной организации. Пока же в социальных джунглях разумного так же мало, как и в обычных тропических.

Поясню. Множество людей потеряли смысл жизни и, следовательно, перестали жить. Ибо не всякое существование – жизнь. Нет смысла – нет жизни, а есть прозябание. Смысл же определяется перспективой: для кого и чем, какими ценностями жить. А перспектива зависит от степени разумности социальной организации, от того, в какой мере эта организация ориентируется на решение проблем отдельных своих членов, на обретение ими достоинства, качества разумных существ.

Психологи и психотерапевты на все лады убеждают свою клиентуру: от самого человека зависит организация его счастливой жизни и формирование собственного здоровья. Это правильно лишь в том случае, если социальная организация позволяет индивиду быть субъектом собственной жизни, хозяином своей судьбы. Но в условиях социальных джунглей повторение этого тезиса оборачивается форменным издевательством или полнейшей безответственностью. Не бывает так, чтобы всё на все сто процентов зависело от одного индивида, а от общества, государства, от окружающих людей – совсем ничего. Позиция «все зависит только от тебя, и ни от кого больше» – это принципиальный отказ от какой бы то ни было помощи и поддержки. Далеко не всегда человек может – да и не должен – справляться в одиночку. Но и позиция «от меня ничего не зависит» – чисто потребительская,

предполагающая патронирование, тотальное обслуживание и принципиальный отказ от каких бы то ни было личных усилий по осознанию и решению своих проблем.

Так что анализ Карла Маркса деятельности отчуждения и порождаемого ею состояния отчуждения ничуть не устарел.

Социальная болезнь

Отчуждение – это одновременно процесс, механизм и результат обезчеловечивания человека, когда, например, как мимоходом отмечает Маркс, рабочий чувствует себя свободным, а следовательно, человеком, разве что в кабаке.

Обесчеловечивание и есть отчуждение во всех его формах. Эта формулировка позволяет нам хотя бы правильно сориентироваться в социальной ситуации, определить степень нашего индивидуального обезчеловечивания на фоне всеобщего – в меру личной ответственности каждого.

Например, отношение общества к детям. Я насчитал пять видов сиротства. Собственно сироты, дети, чьи родители рано умерли. Лишенцы, дети, чьи родители почему-либо лишены родительских прав. Отказники, дети, чьи родители сами отказались от них. Интернатские сироты: дети, воспитывающиеся в интернате далеко от родителей, так что родители физически не могут участвовать в их воспитании, и встречаются они редко и ненадолго. Домашние сироты, у которых родителей полный комплект, ребенок живет с ними, но им почему-либо не до ребенка или они его не любят. В лучшем случае родители и дети чужие друг другу, а в худшем – враги.

Простое перечисление видов сиротства убеждает, насколько многообразна и повсеместна обезчеловеченность повседневного общения. Это так называемое общение характеризуется прежде всего абсолютной безответственностью. Сиротство, за исключением, и то лишь частичным, первого и четвертого из перечисленных его видов, – это прямое порождение расчеловечивания общества.

На сегодня психологией описано множество неврозов и бесчисленных «комплексов» – ничуть не меньше, чем элементарных частиц в физике. Их главная, конечно, не единственная причина – обезчеловеченность жизни.

Различные формы инвалидности тоже во многом, если не во всем, обязаны своим существованием обезчеловеченности отношений, в том числе среди представителей помогающих профессий.

Смещение акцентов

Кроме безответственности, прямого следствия ожесточенности социальных отношений, обезчеловеченность общения характеризуется потерей приоритетов. Переключением сознания с более ценного на менее ценное.

Это смещение акцентов может быть обязано своим существованием идеологии, насаждаемой извне – средствами массовой информации и/или группой, традициям которой человек фанатически предан. Пример именно такого смещения – выбор каких-либо «принципов», любых, коллективистских ли, этических, прагматических или самых что ни на есть индивидуалистических, и их фетишизирование. Когда принципы – все, а живые люди – ничто.

Наряду с «принципиальным» можно выделить и стихийное смещение акцентов. Оно наблюдается в отношениях между близкими, особенно между родителями и детьми. Скандаля из-за несчастной двойки и по другим подобным поводам, они теряют главное – взаимопонимание, взаимное доверие, уважение, любовь и в конце концов становятся навсегда чужими друг другу. Как правило, следствием стихийного смещения акцентов являются и бесконечные наши обиды друг на друга. Словом, в разборке по случайному поводу стораает самое ценное, что делает людей людьми, что их объединяет. И происходит это против воли и желания сторон, которые, собственно, и расшумелись-то вроде бы из любви друг к другу, искренне переживая друг за друга.

Надо сказать, что отчужденное общение, то самое, обезчеловечивающее, – это всегда абстрактное общение. Когда общение происходит не между людьми, а между абстрактными представлениями людей друг о друге.

Эвальд Ильенков перевел на русский язык памфлет Гегеля «Кто мыслит абстрактно?». Текст полон ярких примеров абстрактного общения, среди которых мне запомнилась перебранка торговки яйцами с покупательницей. Торговка воспринимает покупательницу исключительно с абстрактной точки зрения: раз та назвала товар несвежим, ее надо поставить на место: «Да сама ты... Да твоя мать... Да твой папаша... Да твой дед...» Торговка на базаре мыслит абстрактно, «вообще». Тот, кто ищет глубин, мыслит конкретно.

Труд общения

Еще до рождения ребенка родители начинают общаться не столько с ним, сколько со своей мечтой о ребенке. Они думают о том, каким их ребенок должен вырасти. Но чем старше становится малыш, тем очевид-

нее, что он родительской мечте не очень-то соответствует. И тем отчаяннее родители цепляются за свою мечту, тем лихорадочнее торопятся реализовать эту мечту, с ужасом считая последние годочки, в которые, по их мнению, можно еще успеть, еще повлиять, настоять, заставить. А потом наступает разочарование. Мечты так и не осуществились, а полюбить своего живого отпрыска родители не смогли. С ребенком между тем происходит примерно то же самое: у него тоже есть мечта о том, какими должны быть родители, он тоже сравнивает своих родителей с мечтой о них, тоже разочаровывается. Разве что он честнее, острее родителей это осознает и беспощаднее, безжалостнее формулирует: он их не любит.

Но не будем торопиться призывать любить ближнего таким, какой он есть. Сей призыв чаще всего понимается в высшей степени абстрактно – как призыв к вседозволенности, всепрощению и терпению. Всем все можно; не хочешь – не делай, сделал плохо – и ладно. По остроумному замечанию Эвальда Ильенкова, в таком случае мы наблюдаем «совершенно свободные и индивидуально-неповторимые взмахи ослиного хвоста».

В том-то и сложность, что в условиях повальной обезчелоченности общения говорить о свободе воспитания, о любви к ребенку очень опасно.

Что значит – общаться по-человечески? Абстракции и тут размывают любые опоры. Если ко мне как психологу или просто по-дружески обращаются за консультацией, я вижу только один действенный способ помочь – совместно-разделенный анализ возникшей ситуации. Цель этого анализа – вместе с собеседником вскрыть конкретный характер его проблем и вместе подумать, как и насколько можно попытаться очеловечить его отношение к другим. Самое трудное на этом пути – преодолеть обезчелочивающую (отчуждающую) тенденцию, то есть привычные стереотипы реагирования.

Мое кредо

Сегодня на «рынке идей» всего навалом. И антигуманного бреда, и гуманистических, в том числе весьма продуманных, концепций. Надо выбрать, на что опереться. Быть уверенным, что действуешь правильно. Пытаясь очеловечить общение – и собственное, и тех, кто обращается за советом, – я полностью принимаю Марксов анализ отчуждения (обезчелочивания), но категорически не разделяю его упований, оказавшихся весьма абстрактными, обернувшихся океанами крови, на снятие отчуждения в ходе революции. Социальные катаклизмы, потрясения доводят

отчуждение до предельного абсурда. У того же Маркса написано: до власти Зависти (им подчеркнуто).

Так что лучше уж очеловечивать социальное пространство и время вокруг себя – и себя внутри него, стремясь по возможности стать именно генератором очеловечивания. Количество наших очеловечивающих усилий на микроуровне должно дать качество на макроуровне. Качество, благодаря которому этот макроуровень в большей степени будет заслуживать названия общества, а не социальных джунглей.

Мы не можем отвечать за все, что творится. Но за что можем отвечать, то пусть будет человеческим и, следовательно, очеловечивающим. Конкретным, а не абстрактным.

Глава 4.

КОНЦЕПЦИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОПТИМИЗМА

Развитие – это деятельность

Я занимаюсь теорией и практикой Совместной педагогики. Суть в том, чтобы не отказываться от попыток обучать самых, казалось бы, необучаемых, ведь слепоглухонемых от рождения или с раннего детства долгое время приравнивали к клиническим идиотам. Нельзя утверждать без каких-либо оговорок, что «слепоглухонемой ребенок лишен психики». Да, без обучения он деградирует, но если его начали обучать навыкам самообслуживания, а затем естественным жестам, он хоть и остается немым, но психики никак не лишен. Психика интенсивно формируется.

Но дилетант рассуждает о проблемах слепоглухоты и все на свете сводит к перекрытию «информационных каналов». И откуда только цифры берутся: столько-то процентов человек получает через слуховой, столько-то через зрительный. И не объяснишь, что все не так просто, что человек не компьютер. Информация вовсе не «поступает» в готовом виде через какой бы то ни было «канал», а активно создается в процессе предметной деятельности. Пока я не начну действовать целенаправленно, удовлетворяя свои физиологические нужды и человеческие потребности, я недоступен какой бы то ни было «информации», хотя бы все мыслимые каналы – зрительный, слуховой, осязательный и так далее – были в полной медицинской исправности. На самом деле через органы чувств мы получаем сырье от всевозможных раздражителей, его надо еще превратить в ощущения, восприятия и

так далее. Превратить – активно, целенаправленно, действуя в наличной проблемной ситуации.

Каждый из нас постигает и может постигать мир и себя в мире только «глазами рода человеческого, глазами всех других людей», – иными словами, в процессе воссоздания в собственной деятельности общечеловеческой культуры. В результате формируется интуиция как механизм постижения Истины, Добра и Красоты. И запросто может случиться, что физически слепоглохой благодаря своей высокой культуре – теоретической, эстетической, этической, духовной – содержательней и глубже зрячеслышащих, как бы те ни упражнялись в высчитывании процентов информации, поступающей «в мозг» через те или иные «каналы». Мы видим, слышим и осязаем воссозданным нами вариантом общечеловеческой культуры. Благодаря этому каждый из нас – независимо от состояния зрения и слуха – не кто иной, как более-менее полномочный представитель Рода Человеческого. Вне культуры никакое восприятие, представление и понимание попросту невозможно.

Организация деятельности

Если погасить собственную активность ребенка, переруководив им, то потом сколько тысяч раз ни повтори попытки – шансы на успех прощялены.

Деятельность взрослого должна быть ориентирована на собственную активность ребенка, которую учитель терпеливо и внимательно провоцирует, стимулирует, поощряет, постепенно сводя на нет свою.

Это называется совместно-разделенной предметной деятельностью, ее философское значение огромно. Это закон всякого возможного образования, понимаемого, согласно академику Б. М. Бим-Бадю, как триединство обучения, воспитания и развития. Мало того, это – настаивает философ Феликс Михайлов – закон всякого возможного человеческого взаимодействия, разделения труда. Мало и этого. Психолог Сергей Рубинштейн поясняет: реальность и действительность вовсе не одно и то же; действительность – это то, что обязано своим происхождением человеческим действиям, человеческой предметной деятельности, а реальность – во всяком случае объективная реальность – это то, что существует вне и независимо от нас. Без нашего участия.

Педагогическая действительность возникает только при нашем непосредственном участии, никак иначе.

Переход от навыка самообслуживания к жесту, а от него к слову – это все особые этапы становления личности и особо организованный

психолого-педагогический процесс. Не дрессура, не тык пальцем в предмет – и тут же сообщение, как он называется. Над переходом от действия к жесту, от жеста к слову педагог работает специально. Здесь много еще не преодоленных, а то и вообще неведомых подводных камней. А именно, при ранней слепоглухоте пропускается не меньше двух этапов речевого развития: языковая игра-распевание и устно-речевой этап.

У глухих есть такой вид искусства – жестовое пение. «Поют» жестами под фонограмму. Мне говорили зрячеслышащие друзья, видевшие и слышавшие это: очень красиво получается. Но вот дактильно не споешь, под дактильный – пальцевый – алфавит не спляшешь. Таким образом, важный этап при ранней глухоте оказывается пропущен. И это, разумеется, задерживает общее речевое развитие.

Более того, зрячеслышащий ребенок, прежде чем научиться читать и писать, овладевает языком в устной, звуковой форме. А потом осваивает письменную форму того же самого языка. Для ранооглохшего ребенка родной язык – жестовый. Национальный словесный язык, в нашем случае русский, для него иностранный. Овладевая дактильным алфавитом, ранооглохший ребенок фактически овладевает иностранным языком сразу в письменной его форме. Во многих случаях это для общего речевого развития сущая катастрофа. Многие «жестовики» на словесном языке говорят (дактильно) плохо, потому что располагают маленьким запасом слов. Их практически невозможно понять, потому что фразы строятся по законам языка жестов, а не словесного. Но главное – на жестовый язык невозможно перевести ни Гегеля, ни Достоевского, поэтому ограничиваться им нельзя. Чтобы культура «говорила» в тебе, надо овладевать национальным словесным языком.

Норма по большому счету

Еще четверть века назад я пришел к выводу, что дактильный алфавит на самом деле затрудняет, задерживает общее речевое развитие. Алфавит предполагает, в норме, довольно высокий уровень владения речью, а при ранней глухоте, и тем более при ранней слепоглухоте, телегу приходится ставить впереди лошади: словесным языком овладевать сразу в письменной – алфавитной – форме, которая волей-неволей оказывается изначальной, фундаментальной. Начинать приходится с того, к чему, в норме, идут несколько лет.

Проблема в целом остается нерешенной до сих пор. В совместно-педагогическом процессе, когда ранооглохшие и нормально слышащие

ребята, оказавшись вместе, вынуждены изворачиваться, чтобы хоть как-то понимать друг друга, словесно-речевое развитие ранооглохших волей-неволей ускоряется. Но это лишь частичное решение проблемы. Полным решением я бы считал, если бы удалось добиться словесно-речевого развития ранооглохших темпами, сравнимыми со средними темпами речевого развития слышащих ребят. Система Эмилии Ивановны Леонгард, основанная на ранней тренировке остаточного слуха с помощью хорошо подобранных слуховых аппаратов, в наиболее успешных случаях дает такой эффект. Но – в наиболее успешных, а не во всех. Я же согласен признать полным решением проблемы нормальное словесно-речевое развитие именно у всех, а не у некоторых. Нормальное развитие должно быть нормальным без оговорок типа «нормально в пределах ранней глухоты», «нормально для жестовика». Норма есть норма, и либо ты нормально владеешь национальным словесным языком, либо нет. Либо с тобой можно свободно договориться по-русски, пусть и дактильно, либо нельзя.

Одно бесспорно: формирование словесной речи происходит на основе продолжающегося формирования все новых и новых действий. Разумеется, в рамках совместно-разделенной предметной деятельности. Вне предметной деятельности речевое развитие невозможно по той простой причине, что говорить не о чем. А речь – это прежде всего способ договориться по тому или иному поводу. И до формирования словесной речи договариваться приходится, непосредственно совершая те или иные действия, а на этой основе – при посредстве жестов, более-менее узнаваемо изображающих эти действия, а также предметы, с которыми они совершаются.

Первоначальный, так называемый естественный, жест, без которого не обходится речевое развитие и нормально слышащих и видящих детей, – это редуцированное действие. Другие естественные жесты обозначают «стилизированные предметы». Слово же нельзя назвать редуцированным действием или стилизованным предметом. Над таким пониманием роли слова смеялся еще Джонатан Свифт в своем «Гулливере», где изображаются ученые, которые предпочитают договариваться не словами, а посредством указания на те или иные предметы или их показом. И если предстоит особо сложный ученый диспут, старенькие профессора вынуждены тащить на себе тяжеленный мешок с предметами, которые на диспуте могут понадобиться. Легко догадаться, что всего не предусмотрит и каких-то вдруг понадобившихся предметов в мешке не окажется. Таким примитивом педагоги довольствоваться не могут.

Чтобы вырваться из тупика бытового примитивизма

У Эвальда Ильенкова есть набросок «Фихте и свобода воли», там он в скобках размышляет о формировании сознания у слепоглухорожденных и слепоглухонемых с раннего возраста: «При ранней глухоте нарушается логика речевого развития. Жесты норовят сложиться в особый язык, который и становится родным, а национальный словесный язык соответственно оказывается иностранным. Жесты ближе ко всему деловому, физиологическому в своей основе. Жестами проще, быстрее договариваться о текущих бытовых делах. Чтобы вырваться из этого тупика бытового примитивизма, деятельность должна обрести новое качество. То самое качество, которое было в центре внимания Феликса Михайлова, – качество креативности. А именно: деятельность должна становиться все более творческой, а ее субъект – все в большей мере превращаться в соавтора человеческой культуры в ее все более рафинированных формах. А творческий характер деятельность приобретает в уединенном труде души, который представляет собой основную форму саморазвития личности. Строго говоря, развитие возможно только как саморазвитие, то есть благодаря личным усилиям субъекта что-то сделать, чему-то научиться. Пока нет этих личных усилий, нет и не может быть никакого движения вперед. И работа учителя сводится, собственно, к тому, чтобы эти личные усилия спровоцировать, стимулировать.

Чтобы деятельность приобрела креативный характер, эти личные усилия что-то делать, чему-то учиться должны стать первейшей потребностью личности. До сих пор развитие происходило под различными внешними воздействиями, то есть ему требовался буксир. Теперь оно превращается поистине в саморазвитие, становится если и баржей, то самоходной».

Логика процесса развития-саморазвития представляется следующей:

1. Стихийное саморазвитие в процессе овладения навыками самообслуживания в быту под руководством и с помощью близкого взрослого.

2. Стихийное саморазвитие в процессе совместно-разделенной – бытовой, игровой, трудовой и так далее – деятельности как со взрослыми, так и с детьми, особенно превосходящими по уровню развития. Деятельности, внутри которой совершается речевое развитие от первичного набора сигнальных жестов до свободного владения национальным словесным языком.

3. Стихийно-сознательное саморазвитие в большой ролевой игре и в реализации всевозможных увлечений (лепкой, рисованием, конструиро-

ванием, драматизациями, чтением, всякого рода попытками литературного творчества). На этом этапе в творческом уединении, наполненном лепкой, рисованием, чтением и тому подобными занятиями, хотя бы просто фантазированием, зарождается (может зародиться) умение общаться с самим собой.

4. Сознательное саморазвитие в зрелом творчестве и в самосозидании.

О порядке и стихиях, или Уточнение к периодизации

О саморазвитии как начале всего речь идет потому, что особо акцентируется собственная детская активность. Без провоцирования ее, поощрения любые развивающие усилия взрослого результата не дадут. Саморазвитие ребенка на первом этапе названо стихийным, так как собственная детская активность носит скорее вынужденный, чем сознательно-добровольный характер. Ребенок саморазвивается, потому что вынужден делать то, чего от него добиваются, учится тому, чему его хотят научить. Вынужден вопреки собственному желанию или нежеланию.

Так и на втором этапе. Словесный язык у слепоглухонемых и глухонемых детей носит «официальный» характер, то есть предназначен только для общения со взрослыми, которые этот язык ребенку навязывают. Для него непонятно – зачем. Поэтому очень важно организовывать общение таких детей с нормально слышащими, для которых словесный язык – основное средство общения, родной, а не иностранный. Как показывает совместно-педагогическая практика в лагерях Детского ордена милосердия, в таком общении словесно-речевое развитие глухонемых и слепоглухонемых детей действительно резко ускоряется. Ибо словесная речь оказывается нужна для взаимопонимания и как можно более полного самовыражения в какой-либо совместной деятельности – в игре, в совместных творческих делах, то есть оказывается действительно жизненно необходимой.

Третий этап – переходный между стихийностью и сознательностью саморазвития. Осуществляется все более интенсивный труд души, в котором накапливается материал для содержательного непосредственного общения. В процессе реализации увлечений, стихийном постольку, поскольку ребенок занимается тем, что ему нравится, и именно потому, что ему это нравится, не думая, конечно, о том, как это сказывается на темпах, качестве и направленности его саморазвития, постепенно определяется приоритетная сфера духовных интересов. Ее осознание может привести ко все более сознательному выбору направлений саморазвития и к

сознательным же попыткам самореализации в выбранных направлениях. Именно на этом этапе начинаются попытки осознания не только мира вокруг себя, но и себя в мире, прежде всего своего места среди других людей, то есть начинает формироваться рефлексия.

И далее – формирование мировоззренческой системы (индивидуальной картины мира, именно данной личностью признанной за свою, данной личностью предпочтенной) на основе ранее возникших эмоционально-мотивационных предпочтений. С опорой на мировоззренческую систему – определение смысла жизни и попытки его сознательной реализации в образе жизни (при условии достаточного стимулирования воли к жизни и жажды жизни как извне, так и изнутри).

Возрастные границы этих этапов абсолютно индивидуальны, могут быть очень сжаты или крайне растянуты в зависимости от собственной активности субъекта саморазвития, от того, насколько она стимулируется или подавляется другими участниками этого процесса. К сожалению, многие пожизненно застревают на втором, а то и на первом этапе – и это не обязательно инвалиды.

И снова о человечности

Содержание третьего и особенно четвертого этапа определяется трудом души, особенно уединенным трудом. Без него на высшие этапы личностного развития-саморазвития не подняться. А база для самостоятельного труда души создается или не создается прямо с пеленок. И с самого начала на всех этапах саморазвития идет формирование человеческого или бесчеловечного образа мыслей, поведения. С первого вздоха – общение с другими людьми, способы выхода из различных конфликтных ситуаций, реагирование на чужую и свою человечность или бесчеловечность.

Делая нарочитый нажим на слове «саморазвитие», я подчеркиваю активную роль человека, особенно растущего человека, как субъекта своей жизни. Сначала стихийного, а затем, если повезет, все более сознательного.

Как при сенсорной норме, так и при слепоглухоте вершиной личностного развития можно считать возникновение интуиции в качестве реального (в отличие от анатомо-физиологических) органа чувств. Интуиция имеет дело не столько с ощущениями той или иной модальности (зрительной, слуховой, осязательной), сколько с воссозданной личностью на сегодняшний момент общечеловеческой культурой. Это и есть реальный механизм компенсации дефицита, не столько сенсорного, сколько дефицита понимания того, что и как на самом деле происходит в мире.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

...Любому педагогу, особенно работающему с инвалидами, важно помнить каждое проявление ребенка, запоминать, как он обычно реагирует, и из этих обычных проявлений исходить в собственном обращении с ним. Из обычных проявлений каждого ученика, а не из книжных рекомендаций, сколь угодно авторитетных, вытекает ваша правильная позиция по отношению к ребенку. То есть я, как и Корчак, рекомендую внимание к каждому отдельному ребенку, и если ребенок не укладывается в те или иные рекомендации и методики – тем хуже для рекомендаций и методик. Для каждого ребенка надо искать что-то новое.

...Из любых правил, в том числе эмпирических, на основе личного опыта выведенных, всегда найдутся исключения. Это надо крепко-накрепко запомнить, начиная разговоры, подобные нашему. Все, абсолютно все – под сомнение! Любые попытки догматизации обобщений в педагогике и психологии опасны. Когда за них цепляются, они заслоняют реальность. Это так же, как и с рассуждениями об особенностях народов, некой особой национальной «личности», о «национальном характере». Грубо ошибется любой, кто такие рассуждения положит в основу своего представления о народе: везде хватает своих подонков, и везде хватает своих святых. Полагаю, что единственно правильный подход – строго индивидуальный. Решающее значение имеет разность, а вовсе не общность, которая придумана для того, чтобы легче жилось теоретикам и тем, кто держит нос по ветру всяких «теорий».

А для читателя, заинтересовавшегося моими раздумьями, даю адрес моего сайта: www.avsuovorov.ru; адрес электронной почты: asuvorov@yandex.ru.